

НОБЕЛЕВСКИЕ ЛАУРЕАТЫ РОССИИ

Д.С. Рязанов

(Тамбовский филиал Московского государственного университета культуры и искусств (ТФ МГУКИ))

И.С. Корскова

(Нобелевская научная библиотека Международного Информационного Нобелевского Центра (МИНЦ), ТФ МГУКИ)

В.М. Тютюнник

д-р. техн. наук., проф.
(директор ТФ МГУКИ,
президент МИНЦ)

РОССИЯ И НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ МИРА (1901–1955 ГГ.): ОПЫТ АНАЛИЗА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ

Статья посвящена рассмотрению выдвижения граждан России/СССР на получение Нобелевской премии мира в 1901–1955 гг. Впервые на русском языке представлены кандидатуры всех номинантов, приводятся статистические данные. Отдельное внимание уделено особенностям исторического развития России в указанный период, ее международного положения и участия в нобелевском движении. По итогам анализа перечислены причины, по которым, по мнению авторов, Нобелевская премия мира в первой половине XX века ни разу не была вручена представителю России/СССР.

Ключевые слова: Нобелевская премия мира; Россия; номинант; номинатор; миротворчество.

D.S. Ryazanov

(Tambov Branch of the Moscow State University of Culture and Arts (TB MSUCA))

I.S. Korskova

(The Nobel Research Library of the International Information Nobel Centre (IINC), TB MSUCA)

V.M. Tyutyunnik

(TB MSUCA, IINC)

RUSSIA AND THE NOBEL PEACE PRIZE (1901–1955): EXPERIENCE OF THE ANALYSIS IN A HISTORICAL CONTEXT

The article is devoted to consideration Russia's/USSR's citizens advanced to the Nobel Peace Prize in 1901–1955. All nominees are briefly represented firstly in Russian, statistical data are cited. Special attention is given to features of Russia's historical development during the stated period, its world position and participation in Nobel movement. On the results of the analysis, the conclusion for what reasons, by the authors' opinion, the Nobel Peace Prize has been never handed over to the representative of Russia/USSR has been made.

Key words: Nobel Peace Prize; Russia; nominee; nominator; peacemaking.

В числе номинаций, составляющих в своей совокупности институт Нобелевских премий, премия мира в значительной степени стоит особняком. Это связано, прежде всего, с теми специфическими факторами, которые лежат в основе ее присуждения.

Автор книги о лауреатах Нобелевской премии мира с 1901 по 2001 гг. [1] называет ее учреждение «уникальной миротворческой акцией» [2]. Она, согласно завещанию Альфреда

Нобеля, должна вручаться «тому, кто внес наиболее существенный вклад в сплочение наций, уничтожение рабства или снижение численности существующих армий и содействие проведению мирных конгрессов» [3]. Нобелевская премия мира присуждается комитетом из пяти человек, избираемым Норвежским Стортингом (парламентом). Этот орган, одновременно являющийся Норвежским Нобелевским комитетом, избирается сроком на шесть лет без права

переизбрания (получить в нем места могут лишь норвежцы) и является независимым. В течение более чем столетней истории Нобелевских премий название и особенности деятельности комитета менялись. Первоначально он назывался Нобелевским комитетом Норвежского Стортинга и предполагалось, что в его работе должны были активно участвовать члены правительства Норвегии. С 1936 г. такую практику отменили, а в 1977 г. запретили избираться в комитет членам Стортинга. В том же году было изменено и название органа. Содействие в выборе кандидатов оказывает Норвежский Нобелевский институт, директор которого исполняет роль секретаря комитета. Премией мира могут быть награждены как отдельные лица (прижизненно и лишь однократно), так и различные неправительственные организации (возможны повторные награждения) [4].

На решение основателя Нобелевской премии вероятно повлияли его личные мировоззренческие установки и международная обстановка конца XIX в. [5]. Действительно, этот период характеризовался ростом напряженности в отношениях между ведущими мировыми державами, обусловленным их стремлением к колониальному переделу мира. Накапливавшиеся в течение долгого времени противоречия стремительно углублялись, создавая очаги напряженности по всему миру (Балканы, Ближний Восток, Южная Африка, Восточная Азия и т.д.). Параллельно с этим шло бурное техническое развитие, в том числе и в сфере вооружения. Закономерным итогом стала Первая мировая война – международный конфликт невиданного ранее масштаба с активным применением новейших орудий истребления «живой силы противника» (отравляющих веществ, авиации, танков, пулеметов и пр.). Очевидно, что А. Нобель, будучи широко образованным и трезво мыслящим человеком, прекрасно осознавал возможность подобного развития событий. Широко известно его высказывание о том, что он мечтал бы сотворить такое оружие, которое сделает войну попросту невозможной. Принимая во внимание некоторую наивность подобных рассуждений с точки зрения жителя XXI века, трудно не признать их определенную направленность. Кроме того, достоянием

общественности являются дружеские отношения А. Нобеля с энтузиастами миротворчества своего времени.

Не вдаваясь в подробный анализ премии мира в контексте общего культурно-исторического и научного феномена Нобелевских премий (ему посвящены многие специальные работы), скажем лишь, что ее место и роль действительно уникальны, а ее актуальность, сохраняющаяся по сей день, не подлежит сомнению.

Интересным является тот факт, что лишь двое наших соотечественников были удостоены звания «нобелевского миротворца»: А.Д. Сахаров, лауреат Нобелевской премии мира 1975 г., и М.С. Горбачев, получивший данную награду в 1990 г. Но и эти две фигуры мы не можем рассматривать в настоящей статье, т.к. время получения ими указанной премии выходит за хронологические рамки нашего исследования. За период же, им соответствующий, ни один из граждан России/СССР не стал ее обладателем. Здесь возникает закономерный вопрос: «Почему, ведь номинанты от нашей страны в соответствующих документах фигурируют?».

С точки зрения простого обывателя, не лишнего чувства патриотизма, но не располагающего конкретной информацией, первый напрашивающийся ответ – обвинение нобелевских учреждений в заведомо антироссийском подходе в процессе рассмотрения кандидатур, выдвигающихся на получение этой значимой международной премии. Именно такое утверждение господствовало в соответствующих публикациях советского периода нашей истории (и касалось, кстати, механизма присуждения Нобелевских премий вообще). Альтернативное, но не менее дилетантское предположение, сделанное в духе современной эпохи, можно сформулировать так: в реакционной царской России и тоталитарном Советском Союзе не было и не могло быть миротворцев. Однако серьезный исследовательский подход предполагает более глубокое изучение проблемы.

Блестящий пример подобного добросовестного отношения представляет собой фундаментальная монография А.М. Блоха, посвященная всестороннему рассмотрению

проблемы участия России в нобелевском движении [6]. Не во всем соглашаясь с автором в отдельных деталях, мы всецело признаем основные сделанные им выводы – в значительной мере отставание России по «нобелевским» показателям напрямую связано с действиями ее властей, а также с определенной инертностью российского общественного мышления. Как справедливо подмечает А.М. Блох, во многих случаях, когда то или иное научное открытие независимо совершалось в России и за рубежом, все лавры доставались иностранцам лишь потому, что их российские коллеги не могли (а порой даже и не пытались) вовремя запатентовать или обнародовать свои достижения. Конечно, наука и миротворчество – две разные сферы человеческой деятельности, но данный пример позволяет проиллюстрировать тот факт, что в спорных случаях награждение Нобелевской премией иностранца, а не россиянина не следует рассматривать как нарочитое пренебрежение нашими соотечественниками. К сожалению, в упомянутой ранее монографии Нобелевская премия мира специально не рассматривается, а следовательно, ситуация с номинантами-россиянами и их номинаторами не подвергнута столь тщательному анализу. Полагаем, что это связано именно со спецификой данной номинации.

На взгляд авторов, если говорить коротко, эта специфика состоит в достаточно большой условности факторов, определяющих сущность «наибольшего вклада» в дело укрепления мира. Критерии, лежащие в основе присуждения Нобелевских премий по отдельным отраслям науки более конкретны: новизна открытия, степень его соответствия объективной реальности и практическая значимость. К тому же, научное достижение стоит (по крайней мере, теоретически) вне и над межнациональными, политическими и культурными разногласиями. Степень же реального содействия делу мира определить значительно сложнее. Здесь, как ни в какой другой сфере деятельности, успехи в которой достойны Нобелевской премии, играет роль целый комплекс субъективных факторов. Хотя подобная деятельность также должна оцениваться вне зависимости от

политических пристрастий и национальной принадлежности ее субъектов.

К моменту учреждения Нобелевских премий и началу становления нобелевского движения Россия представляла собой сложную и местами противоречивую картину. Это была страна, стоящая на стыке двух исторических эпох. Самодержавие (как вид абсолютной монархии) и сословное деление общества являлись прямыми пережитками феодализма. Наряду с этим достаточно успешно проходила капитализация промышленности и кредитно-банковской сферы (куда труднее ей поддавался аграрный сектор). В общем, Россия принадлежала к эшелону стран «догоняющего развития». Вместе с этим, на высоком уровне находилась наука, развивалась общественно-политическая мысль. Образованная верхушка общества – потомственное дворянство и интеллигенция – ярко контрастировала с достаточно «темным» крестьянством и неустойчивым, не до конца сформированным классом наемных рабочих. Своеобразным промежуточным звеном было мещанство – социальный слой в меру образованных и достаточно обеспеченных людей, истоки мировоззрения которого восходили еще к допетровским временам (таким образом, российский средний класс достаточно отличался от европейского). Разумеется, в такой ситуации информация о Нобелевских премиях как таковых была востребована лишь достаточно узкой частью общества.

Первое официальное и достоверное упоминание о них в российской прессе появилось 27 октября 1900 г. от имени Главного морского штаба, а полный текст устава Нобелевского фонда опубликован на русском языке в сборнике Петербургского института инженеров путей сообщения [7]. Эти факты, не имеющие, казалось бы, прямого отношения к нашей теме, наглядно демонстрируют, что в России в свое время не было задано должной планки в отношении общественного внимания к феномену Нобелевских премий. Впрочем, приняв на вооружение принцип историзма, отметим: на тот момент никто в мире не мог поручиться, что это явление станет действительно устоявшимся и приобретет поистине всемирное значение. В то же время, «при всей

разнокалиберности первых сообщений о по-смертной воле Альфреда Нобеля, главной доминантой в них являлась очевидная заинтересованность русского читателя в дальнейшей судьбе нобелевского достояния и мерой участия соотечественников в качестве претендентов на почетную и, в денежном отношении, весомую награду» [4, с. 14].

О премии мира оживленно заговорили еще до официального утверждения нобелевских учреждений. Среди первых кандидатур, достойных ее получения, называлось имя Л.Н. Толстого. Впервые предложение присудить ему рассматриваемую награду прозвучало на собрании «Шведского общества друзей мира и трактатов о третейских судах», состоявшегося 19 декабря 1897 г. Впрочем, сам писатель отнесся к этой идее довольно скептически, и не раз заявлял, что откажется от премии в случае, если ее ему присудят [4, с. 13].

25 сентября 1898 г. «Биржевые ведомости» сообщили, что некая Лига мира постановила от-дать премию Николаю II за сделанное им 24 августа того же года предложение о разоружении [4, с. 14] (напомним, что I и II Международные конференции в Гааге, состоявшиеся, соответственно, в 1899 и 1907 гг., были созваны именно по инициативе Российской империи).

Еще одной кандидатурой, достойной премии мира, по мнению отдельных представителей общественности тех лет, был известный живописец В.В. Верещагин. Однако, забегая вперед, скажем, что за период с 1901 по 1904 гг. в архивах Нобелевского фонда по всем правилам оформленных номинаций Верещагина не обнаружено [4, с. 15]. Сам художник погиб 13 апреля (31 марта) 1904 г. на борту броненосца «Петропавловск» вместе со всей командой и находившимся там же адмиралом С.О. Макаровым во время попытки прорыва судна из заблокированной японской эскадрой бухты Порт-Артура.

Упомянув вскользь о миротворческой инициативе Николая II и Русско-японской войне 1904–1905 гг., позволим себе кратко сказать и о положении России в международных отношениях в конце XIX – начале XX вв. Российская империя, на взгляд авторов, менее всего была втянута в борьбу за колониальный

перedel мира (что, разумеется, не исключало ее определенных внешнеполитических амбиций). Прежде всего, потому, что наша страна не имела внешних колоний и, в отличие от той же кайзеровской Германии, не стремилась любой ценой их приобрести. Притязания же ее на Константинополь (ставший «сыром» в мышеловке Первой мировой войны) объяснялись символическим значением для России «Царьграда», как основного столпа православия, а также чисто практическими целями контроля над Босфором и Дарданеллами из соображений безопасности черноморских рубежей.

Россия слишком медленно втягивалась в гонку вооружений (что нехарактерно для стран, готовящихся к активной внешней экспансии), и это не замедлило сказаться в первом же серьезном конфликте. Война с Японией, ставшая следствием дипломатических просчетов царского правительства (в частности, так называемой «безобразовской клики»), а также подстегивания мирового капитала, особенно нефтяного, показала техническую неподготовленность николаевской России к «современной» войне. Как результат – «позорный» Портсмутский мир, пусть и изрядно смягченный усилиями С.Ю. Витте, потеря международного престижа и крайнее осложнение обстановки внутри страны (связь первой русской революции и Русско-японской войны очевидна). Здесь же отметим, что революционные события вкупе с почти патологическим нежеланием Николая II что-либо менять помешали вовремя провести в стране преобразования, подобные реформам Александра II, последовавших после поражения России в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг. Это напрямую сказалось уже через десять лет, когда Россия в составе Антанты вступила в Первую мировую войну. Наспех организованное наступление по настоятельным требованиям терпящих поражение французских союзников, недостаток современных средств ведения войны и несформированная должным образом система снабжения фронта в значительной мере предопределили дальнейшее развитие событий как на фронте, так и в тылу. Затянувшаяся война стала одной из причин крушения не только российской монархии, но и всего старого устройства России в 1917 г.

В таких условиях заниматься активным миротворчеством чрезвычайно проблематично.

Самым «урожайным» по количеству выдвиженцев на Нобелевскую премию мира был 1901 г. В этом году номинируются Ж. Де Блох, Л.Н. Толстой, Николай II и Ф.Ф. Мартенс. Первый из них номинирован за книгу «Технические, экономические и политические отношения в будущей войне», в которой достаточно точно спрогнозирован характер и отдельные аспекты грядущей Первой мировой войны. Великий русский классик был выдвинут за свои литературные работы, а также свою антимилитаристическую позицию (впоследствии Л.Н. Толстой выдвигался в 1902 и 1909 гг.). Последний русский император номинировался за уже упомянутую инициацию первой Международной мирной конференции. За пропаганду международного посредничества и работу над законами войны на получение премии выдвинут Ф.Ф. Мартенс (позднее он номинировался ежегодно вплоть до 1908 г.). После этого номинирование россиян приобретает нерегулярный и единичный (по количеству номинантов) характер.

Так, в 1905 г. на получение премии выдвигается Л.А. Камаровский. В 1911 и 1912 гг. – талантливый государственный деятель и дипломат С.Ю. Витте. Завершает перечень номинантов от дореволюционной России М.М. Ковалевский, создатель и председатель Санкт-Петербургской Ассоциации мира (номинировался в 1912 г.).

Для удобства восприятия, имеющиеся у нас данные [12] приведены в табл. 1.

Анализ мотивации выдвижения кандидатов на Нобелевскую премию мира от России показывает, что основным объектом внимания номинаторов в период с 1901 по 1917 гг. были, во-первых, лица, чьи политические усилия являлись реальными попытками миротворчества, во-вторых, лица, чья творческая (в частности литературная) деятельность служила пропаганде мира и антимилитаризма. Поскольку за рассматриваемый период премия ни разу не была присуждена представителям нашей страны, ясно, что только этого оказалось недостаточно. Видимо, настороженное отношение к российским миротворцам сложилось у

норвежцев задолго до 1917 г. К тому же, если обратить внимание на графу «Номинаторы», то становится ясно, что из всех частных лиц, выдвигавших в этот период кандидатов на Нобелевскую премию мира от России, только один человек был собственно россиянином, а из организаций-номинаторов лишь одна базировалась на территории нашей страны. Эти факты свидетельствуют, что и в дореволюционной России интереса к Нобелевской премии мира не было. К тем же заключениям приходит А.М. Блох, рассматривая ситуацию с выдвижением россиян на Нобелевские премии по другим номинациям: «... российские номинаторы годами предпочитали манкировать своими возможностями» [4, с. 39].

Проблемы контактов отечественных номинаторов с нобелевскими учреждениями наметились еще в дореволюционный период. По словам того же А.М. Блоха, «ежегодно присылавшиеся Шведской академией циркулярные письма попросту оседали в канцелярских дребнях и до потенциальных номинаторов не доходили» [4, с. 41]. При этом автор считает одной из возможных причин подобного явления русификаторскую политику царского правительства в Финляндии. Но, справедливости ради, отметим, что подобные высказывания (отмеченные в работе [4]) несколько противоречат его же собственным утверждениям о том, что до революции 1917 г. участие российских номинаторов в нобелевском движении было нормальным, а их контакты с нобелевскими комитетами – «регулярными и достаточно профессиональными».

Ситуация, сложившаяся после прихода к власти большевиков, требует отдельного рассмотрения. Тем более, что Советское государство за рассматриваемый отрезок времени менялось как по своему общественно-политическому и экономическому устройству, так и в плане отношений с границей (в первую очередь с Западом). В первые годы советской власти вопрос о Нобелевских премиях и борьбе за укрепление мира явно отошел на самый задний план. У большинства мирных обывателей первоочередной задачей стало банальное выживание, многие тысячи людей (и не в последнюю очередь интеллигенция) бежали за границу от

Таблица 1.

Номинанты на Нобелевскую премию мира от России (1901–1917)

Фамилия номинанта, (годы жизни)	Год выдвижения (мотивировка)	Номинатор (год выдвижения)
Ж. Де Блох (1836–1902)	1901 г. (за работу «Технические, экономические и политические отношения в будущей войне», 1898 г., 6 томов)	1) Самуэль Баарт де ла Файль – член комиссии Постоянного международного бюро мира, Гаага, Нидерланды 2) Каспарек, Ростоворовский – члены Международного института права, Краков, Польша 3) Нигра, граф – бывший посол Италии в Австрии, сенатор, Рим, Италия 4) Филипп Сагнак – профессор современной истории Лилльского университета, Лилль, Франция. (1901 г.)
Л.Н. Толстой (1828–1910)	1901 г. (за литературные работы), 1902 г. (за литературные работы), 1909 г. (за романы «Война и мир», «Анна Каренина», а также антимилитаристическую позицию)	1) В.Х. Хилти – профессор права Бернского университета, Берн, Швейцария (1901 г.) 2) Макс Леманн – профессор Геттингенского университета, Геттинген, Германия (1902 г.) 3) 4 члена Норвежского парламента, Осло, Норвегия (1909 г.)
Николай II Романов (1868–1918)	1901 г. (положил начало Первой Гаагской мирной конференции в 1899 г.)	1) Хайнрих Ламмаш – профессор права Венского университета, Вена, Австрия 2) Нигра, граф – бывший посол Италии в Австрии, сенатор, Рим, Италия 3) Фр. Шенбрунк, граф – член постоянного арбитражного суда в Гааге, Вена, Австрия; 4) Австрийская межпарламентская группа – члены Парламента, Вена, Австрия 5) Владимир фон Гниевш-Олехов – член совета межпарламентского союза, Вена, Австрия (1901 г.)
Ф.Ф. Мартенс (1845–1918)	1901 г., 1902 г., 1903 г., 1904 г., 1905 г., 1906 г., 1907 г., 1908 г. (пропаганда международного арбитража, работа над кодексом законов войны)	1) Х. Матцен – профессор права Копенгагенского университета, Копенгаген, Дания (1901, 1902) 2) профессора политической науки, истории и философии университета Аграма (Загреб), Загреб, Хорватия (1901 г.); одновременно выдвигали Ф.Пасси и баронессу Берту Софи Ф. фон Зуттнер 3) Эдгард Роуард де Кард – профессор права Тулузского университета, Тулуза, Франция (1901 г., 1902 г., 1903 г., 1906 г., 1907 г.) 4) Гоос, Матцен – профессора Копенгагенского университета, Копенгаген, Дания (1903 г., 1904 г., 1905 г., 1906 г., 1907 г., 1908 г.) 5) Хайнрих Гарбургер – профессор Мюнхенского университета, член Института международного права, Мюнхен, Германия (1903 г., 1905 г., 1906 г.); одновременно выдвигал Институт международного права, Томаса Баркляя и Теодора Рузвельта 6) Эрнес Нис – профессор Брюссельского университета, член Института международного права, Брюссель, Бельгия (1903 г.); 7) Хайнрих Ламмаш – член Института международного права и Постоянного совета арбитража в Гааге, Вена, Австрия (1908 г.) 8) Георгес Стрейт – член Института международного права, Афины, Греция (1908 г.)
Л.А. Камаровский (1846–1912)	1905 г. (<i>отсутствует</i>)	А. Алексеев – профессор права МГУ, Москва, Россия (1905 г.)
С.Ю. Витте (1849–1915)	1911 г., 1912 г. (был первым конституционным премьер-министром Российской империи с 1905–1906 гг.)	Карл Брун – профессор философии Цюрихского университета, Цюрих, Швейцария (1911 г., 1912 г.)
М.М. Ковалевский (1851–1916)	1912 г. (создал много научных работ по легальной истории. Содействовал распространению мира, гуманизма и демократии. Создатель и председатель Санкт-Петербургской Ассоциации мира)	Члены Российской межпарламентской группы – члены парламента, Санкт-Петербург, Россия (1912 г.); номинация представлена членом российской Думы и президентом Российской межпарламентской группы Жаном Ефремовым

«ужасов большевизма», а новое правительство не оставляло надежд на скорое свершение «мировой революции». Гражданская война и послевоенная разруха во всем их мрачном многообразии значительно подкосили в том числе и культурный потенциал страны. Вполне естественно, что в это время (и даже в период НЭП) заметно сократилось количество «россиян, которые продолжали сохранять контакты с нобелевскими учреждениями» [4, с. 67]. Не следует забывать, что идеология первого в мире советского государства находилась в жестком противоречии с моральными, юридическими и политическими нормами западных демократий. Различий в этой плоскости было куда больше, чем точек соприкосновения, что порождало взаимное недоверие, отторжение не вписывающихся в привычное миропонимание идей и принципов. Соответственно, различным было и восприятие понятия «борьба за мир».

В предисловии к своей книге А.М. Блох утверждает, что «культ недоверия» к учреждениям Нобелевского фонда культивировался искусственно. При этом он ссылается на потворство советской власти «сохранявшимся в обществе, еще с дореволюционных времен, ксенофобным, антизападническим настроениям» [4, с. 9]. Принимая первую часть утверждения (о влиянии власти), позволим себе отчасти поспорить относительно второй. В советский период дело было не столько в «антизападничестве», сколько в неприятии капитализма и его проявлений в понимании среднестатистического советского человека, основанном на социалистической партийной идеологии. «Ксенофобия» со стороны Запада, не понимавшего Советской России и опасавшегося «экспорта революции» (от идеи которого, кстати, советская власть достаточно быстро отказалась), проявлялась в не меньшей степени.

Тревожное отношение западных стран к СССР усилилось в 1930-е годы. Советская держава окрепла внутренне и, по мере ее дипломатического признания за рубежом, начала попытки утвердиться на международной арене. Сильный в экономическом и военном отношении Советский Союз вызывал в определенных европейских кругах несравнимо больше опасений, нежели нищая молодая «Совдепия» с

ее дикой по европейским меркам Красной армией. Росту доверия не способствовала и политика массовых политических репрессий, начавшихся во второй половине 30-х годов прошлого века. В тоталитарном и террористическом, с точки зрения западных демократий, государстве не было и не могло быть борцов за дело мира. Подобное впечатление усиливала и внешняя политика СССР накануне вступления его во Вторую мировую войну. Сближение с нацистской Германией (к которому, между прочим, косвенно подтолкнула Советский Союз сама Европа), секретные протоколы к пакту Риббентропа-Молотова (1939 г.), вхождение под давлением в состав СССР прибалтийских республик и, наконец, бесславная советско-финская война 1939–1940 гг. – все это заставило Запад видеть в России не только идеологического противника, но и агрессора. Прямым подтверждением этого послужило исключение Советского Союза из Лиги Наций. С другой стороны, с точки зрения советских руководителей и граждан, стремлением к миру не отличались и ведущие западные страны, проводившие политику «умиротворения» путем сознательного принесения в жертву Чехословакии и молчаливого признания «аншлюса» Австрии, что в действительности лишь разожгло аппетиты гитлеровской клики. В общем, у обеих сторон были все основания, чтобы считать реальные миротворческие попытки другого лишь хитрой политической уловкой или, того хуже, откровенным лицемерием.

В период между двумя мировыми войнами количество номинантов-россиян фактически сходило на нет. Их всего двое – М. Тышкевич, основатель и первый президент Киевской мирной ассоциации (выдвигался в 1927 г.), а также известный художник и философ Н.К. Рерих (номинировался в 1929, 1933 и 1935 гг.).

В годы обеих мировых войн, как известно, Нобелевские премии мира не присуждались принципиально (исключения – 1917 и 1944 гг.) [6]. Тем не менее, заслуживающим внимания представляется тот факт, что с началом Великой Отечественной войны отношение к нашей стране на Западе разительно меняется. После решительного отпора, который оказала Красная Армия в битве за Москву, европейские

демократии и США наглядно убедились, что Советский Союз, в буквальном смысле, стал последней надеждой для всего цивилизованного мира. Сохранилось множество документов, выразивших искренние симпатии рядовых британцев, французов, американцев, австралийцев и представителей других наций в адрес СССР и советского народа [7]. Таким людям впоследствии было сложно принять образ нашей страны как «империи зла», навязываемый западной пропагандой в годы «холодной» войны.

Что же касается политиков и высшего генералитета стран-союзниц, то здесь ситуация была несколько иной. Лидеры Великобритании и США на официальном уровне всецело поддерживали Советский Союз и восторгались мужеством и конкретными успехами Красной Армии [7]. Оказывалась и финансово-техническая поддержка (поставки по ленд-лизу и т.д.). Однако с открытием второго фронта союзники не спешили по вполне определенным причинам. Дело здесь было вовсе не в отсутствии должного уровня военной готовности (западный фронт был ослаблен максимально, как и в Первую мировую, Россия оттянула на себя основную часть германских войск). Просто У. Черчилль и Ф.-Д. Рузвельт твердо знали, что «Россия воюет вместо них и за них» и не особенно это скрывали в своем ближайшем окружении. Когда же необходимость открытия второго фронта встала ребром (в противном случае ситуация грозила обернуться непомерным усилением СССР в послевоенном мире), союзники провели операцию, далеко не оптимальную в плане выбора места высадки (Нормандия), но позволившую им предотвратить возможность единоличного разгрома Германии Советским Союзом. Именно вступление СССР в войну с Японией, а не только применение американцами ядерного оружия, позволило завершить Вторую мировую войну 2 сентября 1945 г. (по некоторым прогнозам союзников, капитуляция Японии ожидалась не ранее 1947 г.).

Все эти общеизвестные факты мы приводим лишь для того, чтобы глубже понять специфику взаимоотношений между Россией и Западом, а это, в свою очередь, необходимо для

более ясной картины в отношении миротворчества, поскольку оно неотделимо от общего контекста международных отношений и духа эпохи в целом.

Обратимся к номинациям наших сограждан на Нобелевскую премию мира, состоявшихся в послевоенный период (точнее, той его части, что входит в хронологические рамки нашего исследования).

В 1945 и 1948 гг. на эту премию был номинирован И.В. Сталин (Джугашвили) за его усилия по окончанию Второй мировой войны. Примечательно, что оба раза его номинаторами выступили иностранцы (см. табл. 2). Последнее косвенно свидетельствует о том, что в Советском Союзе, несмотря на пресловутый «культ личности», никто и не подумал выдвигать всемогущего вождя на получение «буржуазной» награды. Иначе говоря, трудности в общении с нобелевскими учреждениями никуда не исчезли, а, наоборот, лишь углубились.

Следующие (и последние из рассматриваемых нами) три номинанта на Нобелевскую премию мира от СССР принадлежат к числу видных советских дипломатов.

В том же 1945 г. с той же мотивировкой, что и Сталин, на премию был выдвинут М.М. Литвинов. Номинатором выступил Х. Кохт, бывший член Нобелевского комитета (что само по себе является показателем).

В 1946 и 1947 гг. была предложена кандидатура А.М. Коллонтай. Ее номинаторами выступили члены норвежского и шведского парламентов, а также государственные деятели Финляндии. Мотивировкой послужили заслуги А.М. Коллонтай в заключении перемирия между СССР и Финляндией без оккупации ее советскими войсками. Отечественных номинаторов опять же не было (см. табл. 2). Между прочим, будучи в свое время представителем Советского Союза в Швеции, А.М. Коллонтай «... отлично усвоила, что... Нобелевская премия приобрела в мире огромный резонанс. Награждение ею ныне объективно содействовало росту престижа государства, под флагом которого нобелевский лауреат получал свое отличие». Поэтому она начала «систематически наталкивать московские власти на мысль,

Таблица 2.

Номинанты на Нобелевскую премию мира от России/СССР (1918–1955 гг.)

Фамилия номинанта (годы жизни)	Год выдвижения (мотивировка)	Номинатор (год выдвижения)
М. Тышкевич	1927 г. (был основателем и президентом Киевской мирной ассоциации)	Бонкаль де Гайльхард – член Французского парламента, Париж, Франция (1927 г.)
Н.К. Рерих (1874–1947)	1929 г. (отсутствует), 1933 г. (отсутствует), 1935 г. (отсутствует)	1) Георгес Шклаввер – член Института международного права, Париж, Франция (1929 г.) 2) М. де Таубе, барон – профессор международного права, член Института международного права, Франция (1933 г.) 3) Сол Блоом – член конгресса США, Вашингтон, Округ Колумбия, США (1935 г.) 4) Генри Праат Файрчилд – профессор социологии Нью-Йоркского университета, Нью-Йорк, США (1935 г.)
М.М. Литвинов (1876–1951)	1945 г. (за усилия по окончанию Второй мировой войны)	Хальвдан Кохт – историк и бывший министр иностранных дел. Бывший член Нобелевского комитета (1919–1937, 1940–1942 гг.), Осло, Норвегия (1945 г.)
И.В. Сталин (1879–1953)	1945 г., 1948 г. (за усилия по окончанию Второй мировой войны)	1) Хальвдан Кохт – историк и бывший министр иностранных дел. Бывший член Нобелевского комитета (1919–1937, 1940–1942 гг.), Осло, Норвегия (1945 г.) 2) Владислав Риегер – профессор Карлова университета, Прага, Чехия (1948 г.)
А.М. Коллонтай (1872–1952)	1946 г., 1947 г. (за дипломатические усилия в окончании войны и враждебных действий между СССР и Финляндии во время переговоров 1940–1944 гг.)	1) 17 членов Шведского парламента, Стокгольм, Швеция (1946 г.) 2) Керстин Хессельгрэн – член Шведского парламента, член Межпарламентского союза, Стокгольм, Швеция (1946 г.) 3) Харальд, А.Й., К.А., Тюре Экерберг, Берг, Вестманн, Нерман – члены Шведского парламента, Стокгольм, Швеция (1946 г.) 4) 21 финских профессоров, члены парламента и правительства, Хельсинки, Финляндия (1946 г.) 5) 23 члена Норвежского парламента (1946 г.) 6) 7 членов Финского парламента (1946 г.) 7) 5 членов Норвежского парламента, Осло, Норвегия (1947 г.), представлена Густавом Натвигом Педерсенем; одновременно выдвинули Анну Элеанору Рузвельт 8) 59 членов Шведского парламента, Стокгольм, Швеция (1947 г.) 9) Эмиль Лювлиен – член Норвежского парламента, Осло, Норвегия (1947 г.)
В.М. Молотов (1890–1986)	1948 г. (за усилия по сохранению мира и демократии во время и после Второй мировой войны)	1) А., И., Эм., А. Отетеа, Нестор, Кондурачи, Думитриу – профессора Бухарестского университета, Бухарест, Румыния (1948 г.) 2) Константин Стояновичи – профессор права Бухарестского университета, Бухарест, Румыния (1948 г.)

что... в интеллектуальном мире закрепились новая реальность, ...возник новый общемировой центр притяжения, ...с которым, ради интересов своей страны, необходимо серьезно считаться» [4]. Однако, как показала практика, заметных результатов усилия А.М. Коллонтай не дали.

В 1948 г. за усилия по сохранению мира и демократии во время и после Второй мировой войны на получение премии был номинирован В.М. Молотов. После этого, по 1955 г. включительно, номинантов от нашей страны не выдвигалось.

Первое послевоенное десятилетие, как мы отчасти уже отметили, вообще характеризовалось усилением разногласий между СССР и Западом, в том числе и нобелевскими учреждениями. В основе этого лежали, прежде всего, объективные факторы (хотя в данном ключе отделить их от субъективных не так просто). Свою роль здесь сыграли как «беспрецедентные антиинтеллектуальные кампании» последнего периода сталинской эпохи, осложнившие контакты советских людей с нобелевским движением, так и последствия «фултонской речи» У. Черчилля, произнесенной 5 марта 1946 г. [4].

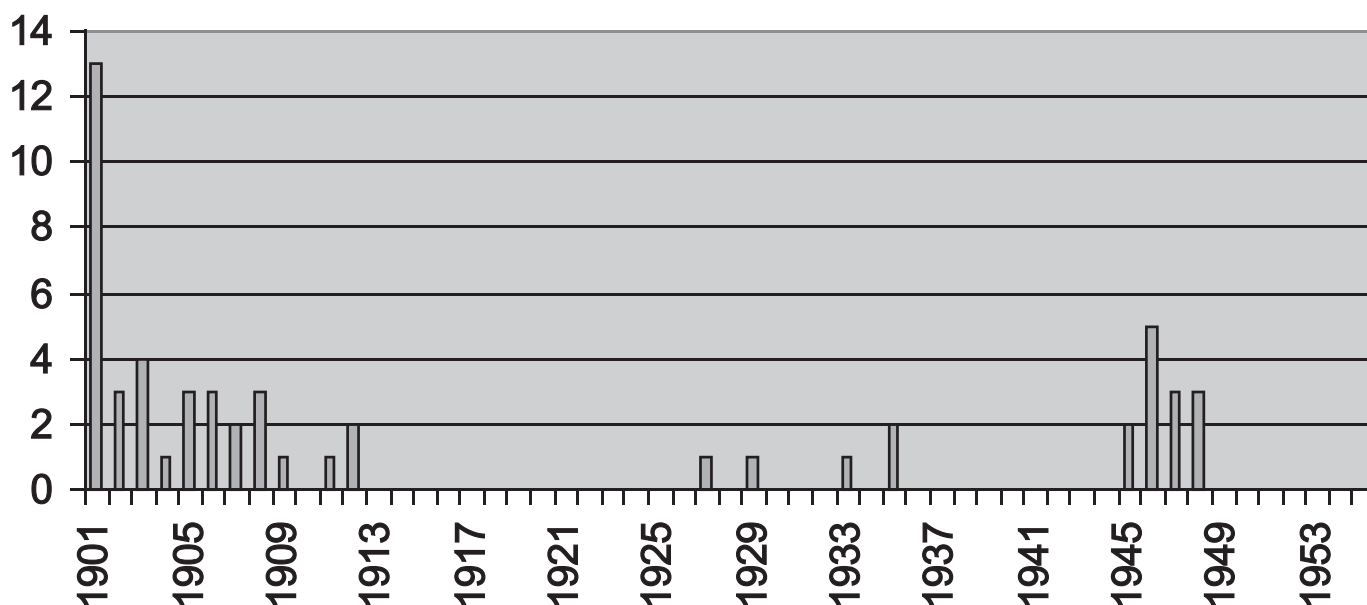

Рис. 1. Количество выдвижений россиян на Нобелевскую премию мира (1901–1955)

В обстановке надвигающейся «холодной войны» стремительно росло недоверие бывших союзников друг к другу, которое проявлялось также и относительно отдельных попыток миротворчества.

Ярким примером подобного недоверия со стороны СССР в контексте общего идеологически-культурного противостояния явилась и попытка ввести в Советском Союзе международные премии, альтернативные Нобелевским. Планировалось учредить отдельные Менделеевскую и Горьковскую премии, а также Сталинскую премию «За укрепление мира между народами». Неконкурентоспособность подобных наград, задуманных явно «в пику» нобелевскому движению, была очевидна. Этот факт достаточно точно характеризует ту эпоху в плане тотального размежевания двух основных политических систем послевоенного мира.

Как видим, анализ таблиц 1, 2 наталкивает на те же выводы, что и при рассмотрении ситуации с номинантами от царской России, с той лишь разницей, что их количество (особенно учитывая разницу продолжительности обоих периодов) значительно уменьшилось. Номинаторы же, все без исключения, являются иностранцами. Именно благодаря им Россия занимает тринадцатое место по количеству номинантов. Также явственно видно, что большая часть номинантов на Нобелевскую премию

мира от нашей страны за этот период была выдвинута после окончания Второй мировой войны, а их деятельность напрямую была с нею связана.

В качестве дополнительной иллюстрации к вопросу о влиянии идеологических разногласий между Советской Россией и Западом на количество выдвижений наших соотечественников на Нобелевскую премию мира рассмотрим следующий график (рис. 1).

Как видно из рис. 1, период с 1912 по 1945 гг. характеризуется фактически полным «штилем» в плане выдвижения наших сограждан на получение премии. Можно также констатировать, что наиболее богатым по количеству номинаций является 1901 год, что, очевидно, было связано с некоторым ажиотажем вокруг Нобелевских премий вообще в самый первый год их присуждения, далее количество россиян-номинантов резко идет на спад.

Также можно отдельно рассмотреть за период в целом количество выдвижений каждого российского номинанта как от частных лиц, так и от организаций.

Как видно из приведенных диаграмм на рисунках 2, 3 (см. 3-ю полосу обложки), преимущественно преобладают номинаторы – частные лица. Организации-номинаторы выдвигали представителей нашей страны менее охотно и делали не столь часто. Однако то, что фамилии некоторых номинантов повторяются и в том, и

в другом случае, говорит о том, что эти люди (в частности Ф.Ф. Мартенс и А.М. Коллонтай) действительно достойно проявили себя на ниве миротворчества. Другая характерная деталь, косвенно подтверждающая часть наших предположений, это полное отсутствие в период с 1912 по 1945 гг. номинаций наших сограждан от юридических лиц.

Прежде чем перейти к подведению итогов, еще раз обратимся к вопросу «ксенофобии», якобы свойственной российскому обществу еще дореволюционного времени. Отношение России к Западу действительно было неоднозначным, что объяснялось, с одной стороны, сложными историческими взаимоотношениями, а с другой – уникальностью нашей страны (не Европа, но и не Азия). Это рождало критическое отношение к европейской модели цивилизации – вспомним споры западников и славянофилов в XIX в. – и способствовало ощущению Россией (местами – в гипертрофированной форме) своей «самости». Сыграл некую роль и религиозный фактор – приверженность России византийскому варианту христианства.

В глазах же европейских народов Россия долгое время считалась «варварской» страной. Усиление ее в начале XVIII столетия, превращение из Московии в Российскую империю встревожило лидирующие державы Европы. Внешнеполитические успехи России в XIX в. лишь усилили эту тревогу. Сказался и консерватизм отдельных русских императоров. «Священный Союз», вдохновителем и центральным звеном которого была Россия, являлся неприемлемым для стран, выбравших демократический путь развития. Отчасти именно поэтому ведущие европейские державы в 1853–1856 гг. выступили на стороне отжившей свой век Османской империи, дипломатически поддержали ее в 1877–1878 г., во многом сведя на «нет» успехи русской армии. Достаточно взглянуть на заголовки и тексты основных европейских газет того времени, чтобы понять, что же именно представляла собой Россия в глазах Запада. Хотя одной из целей войны с Турцией было предоставление независимости балканским государствам, а не поглощение их «русским медведем».

Так что ксенофобия, если уж на то пошло, была обоюдной, что, впрочем, не мешало европейцам искренне восторгаться достижениями русского искусства и литературы, а россиянам – перенимать передовые и проверенные временем достижения западной общественной мысли (не говоря уже о моде). Научный же потенциал обеих сторон был, по меньшей мере, равным и вызывал взаимное уважение.

Перейдем к основным выводам по итогам проведенного исследования и попытаемся ответить на поставленный ранее вопрос, почему в период с 1901 по 1955 гг. никто из наших соотечественников не удостоился звания лауреата Нобелевской премии мира.

В первую очередь мы убедились в несостоятельности тезиса о заведомо антироссийском подходе в процессе рассмотрения Норвежским Нобелевским комитетом номинантов на эту награду. Однако нельзя говорить и о том, что наши соотечественники никак себя не проявили в плане миротворчества. Возможно ситуация может быть объяснена следующим комплексом факторов.

1. *Отстраненность Российской империи от общемировых тенденций общественного развития* ввиду целого ряда исторических, культурных и экономических причин. Эта отстраненность в значительной мере предопределила и основные трудности контактов России с нобелевским движением вообще.

2. *Общая сложность исторической эпохи (революционность) и особенности ее проявления в нашей стране.* Острота внутренних проблем заставляла ведущих мыслителей и общественных деятелей России в первую очередь искать пути их решения.

3. *Прямое влияние Октябрьской революции 1917 г.* Приход к власти большевиков повлек за собой целый ряд изменений как во внутреннем положении России, так и позиций ее на международной арене, что повлияло на оценку нашей страны со стороны заграницы.

4. *Разительное несоответствие устройства Советского государства западным представлениям* в экономической, политической и культурной сферах. Непонимание со стороны иностранцев рождало в них опасения. Здесь же следует указать нарочитое противопоставление

со стороны руководителей Советской России, а затем и ее граждан, социалистического устройства западно-демократическому, пропаганда превосходства первого над последним.

5. *Внешняя и внутренняя политика СССР накануне Великой Отечественной войны.* Многие действия советского руководства внутри страны и за ее пределами никак не способствовали положительному восприятию нашего государства в глазах иностранных держав.

6. *Вступление международных отношений после Второй мировой войны в новую фазу.* Борьба за сферы влияния между СССР и ведущими западными странами (прежде всего, США) в Европе и мире в целом. Идеологическая компонента начинающейся «холодной войны», генерация образа «врага» по обеим сторонам «железного занавеса». Все это напрямую сказывалось на массовом сознании людей и питало богатую штампами и клише мифологию, влиявшую, в свою очередь, на восприятие людей «с другого берега» и их поступков.

7. *Влияние субъективного фактора* на решения Нобелевского комитета и предпочтения номинаторов. Конечно, этот орган был независимым (в том плане, что в его работу не должно было вмешиваться официальное правительство), но его члены были всего лишь людьми, т.е. носителями комплекса мировоззренческих установок (политических, культурных, религиозных и т.п.), на который не могли не оказать влияние факторы, обозначенные в пунктах 3–6. Субъективность политики в целом.

В заключение еще раз отметим особую роль Нобелевской премии мира и ее актуальность на фоне современности. Человечество прошло долгий путь от эпохи дикости и варварства к свету цивилизации. Остались позади войны за новые земли и рабов, канули в историю крестовые походы и циничная эпоха колонизации, отошли в прошлое две ужасающие по своим масштабам мировые войны. Но наступивший XXI век показал, что в мире по-прежнему достаточно серьезных проблем, связанных с международным насилием. Терроризм, сохраняющаяся до сих пор расовая, национальная и религиозная нетерпимость, многочисленные локальные конфликты, вспыхивающие в различных регионах планеты, витающая

над ней угроза всеобщей рукотворной катастрофы – все это делает слово «миротворчество» не пустым звуком. До тех пор, пока человек не научится обходиться без насилия, он во многом останется подобным дикарю, удерживаемому от соблазна применять оружие для решения всех проблем лишь ядерной «дубинкой» в руках соседа по планете. Значит, особая роль по-прежнему будет отведена тем, кто старается проповедовать и личным примером утверждать идеалы мирного сосуществования. Лучших из них увенчает титул «нобелевского миротворца».

Контактная информация:

Рязанов Денис Сергеевич

E-mail: brandark@mail.ru

Корскова Ирина Сергеевна

E-mail: korskova@bk.ru

Тютюнник Вячеслав Михайлович

E-mail: vmt@tmb.ru

Список литературы

1. *Канто А.С.* Нобелевские миротворцы (Лауреаты Нобелевской премии мира за сто лет: 1901–2001 гг.). М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2002
2. *Тютюнник В.М.* Альфред Нобель и Нобелевские премии: биобиблиограф. указ / В.М. Тютюнник; Тамб. филиал Моск. гос. ин-та культуры, 1988. 88 с.; 2-е изд., испр. и доп. / Тамб. гос. ин-т культуры, 1991. 94 с.
3. *Тютюнник В.М.* Лауреаты Нобелевской премии по химии. 1901–1917: библиогр. Тамб. филиал Моск. гос. ин-та культуры, 1989. 160 с.; Балютавичуте, Э.-Б., Лауреаты Нобелевской премии по литературе, 1901–1990: биогр. справ. / Э.-Б. Балютавичуте, В.М. Тютюнник; Тамб. гос. ин-т культуры. Тамбов, 1991. 381 с.
4. *Блох А.М.* Советский Союз в интерьере Нобелевских премий: Факты. Документы. Размышления. Комментарии / Под. ред. проф. А.И. Мелуа. Спб: Изд-во «Гуманистика», 2001.
5. The Nomination Database for the Nobel Peace Prize, 1901–1955 [Электрон. ресурс] Режим доступа: <http://nobelprize.org/nomination/peace/manual.html>, свобод. загл. с экрана. Яз. англ.; Разработка базы данных и сайта «Номинанты на Нобелевскую премию мира от России» (1901–1955 гг.): отчет о НИР / Тамб. филиал Моск. гос. ун-та культуры и искусств; рук. В.М. Тютюнник; исполн. И.С. Корскова. Тамбов, 2007. 25 с.
6. Научометрический анализ присуждения Нобелевских премий с 1901–2003 гг. / И.С. Корскова, Н.С. Попова, О.В. Пенькова и др. // Формирование специалиста в условиях региона: новые подходы: материалы 4 Всерос. науч. конф. вузов культуры и искусств,

12–13 апр. 2004 г., Тамбов / Тамб. фил. Моск. гос. ун-та культуры и искусств; Междунар. Информ. Нобелев. Центр – Тамбов, 2004. С. 125.

7. Величие подвига советского народа: Зарубежные отклики и высказывания 1941-1945 годов о Великой Отечественной войне / сост. А.И. Бабин, М.М. Кирьян и др. М.: Междунар. отношения, 1985.

Literature list

1. *Kapto A.S.* Nobel's peacemakers (Nobel prize winners for hundred years: 1901–2001) Moscow: Publ. House ISPI of the Russian Academy of Science, 2002.
2. *Tyutyunnik V.M.* Alfred Nobel and Nobel Prize: Index Bibliography. - Tambov branch of the Moscow State University of Culture, 1988. 88 p.; 2-nd revised edition.
3. *Tyutyunnik V.M.* Nobel Prize Winners in Chemistry. 1901–1917: Index Bibliography. - Tambov branch of the Moscow State University of Culture, 1989. 160 p.; Baljutavi-chute, E.B. Nobel Prize Winners in Literature; Reference Book / E.B. Baljutavichute, V.M. Tyutyunnik. Tambov: State University of Culture, 1991. 381 p.
4. *Bloh A.M.* Soviet Union in an interior of Nobel Prizes: the Facts. Documents. Reflec-tions. Comments / A.M.

Bloch; ed. Prof. A.I. Melua. S.-Petersburg: Humanistica, 2001.

5. The Nomination Database for the Nobel Peace Prize, 1901–1955 (Internet resource) web site: <http://nobelprize.org/nomination/peace/manual.html>; Development of a database and a site « Nominees on the Nobel Prize of the world from Russia » (1901–1955): the report about SRW / Tambov branch of the Moscow State University of Culture and Arts; manager – V.M. Tyutyunnik, executor – I.S.Korskova. Tambov, 2007. 25 p.
6. The Scientometrics analysis of awarding of Nobel Prizes 1901–2003 / I.S. Korskova, N.S. Popova, O.V. Penkova et al. // Formation of the expert in conditions of region: new approaches: 4-th Russian Science Conference's materials April 12–13, 2004, Tambov / Tambov branch of the Moscow State University of Culture and Arts; Inter-national Information Nobel's Center – Tambov, 2004. p.125.
7. Greatness of Soviet People's Feat: Foreign Responses and Statements of 1941–1945 about Great Patriotic War / compiler A.I. Babin, M.M. Kiryan [and others]. Moscow, International Relations, 1985.

